

Г.С. Султангалиева

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ИЗУЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАЮМА НАСЫРИ: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
И.К. ЗАГИДУЛЛИНА «ВЕЛИКИЙ ТАТАРСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ
КАЮМ НАСЫРИ» (КАЗАНЬ, 2024)**

Монографическое исследование профессора Ильдус Котдусовича Загидуллина «Великий татарский просветитель Каюм Насыри» (Казань, 2024) посвящено изучению одного из самых интересных периодов в истории тюркско-мусульманских народов Российской империи – вторая половина XIX в. – когда на историческую сцену вышли фигуры национальных просветителей – интеллектуалов, которые сочетали элементы традиционного и модернизированного мировоззрения и стремились к культурному подъему своих народов. Среди них можно назвать татарина просветителя Каюм Насыри (1825–1902), казаха Ибрагим [Ибрай] Алтынсарина (1841–1889), деятельность которых разворачивалась практически в одно время и в одних социально-политических условиях в составе Российской империи.

В этом контексте представляемая монография занимает важное место, поскольку она не только вводит читателя в интеллектуальную атмосферу эпохи, но и предлагает целостное исследование личности и наследия К. Насыри. Для понимания логики аргументации автора необходимо обратиться к структуре работы, которая выстроена таким образом, что последовательно прослеживает жизненный путь Каюма Насыри и многогранность его научного, педагогического и публицистического наследия. В этом отношении работа профессора И.К. Загидуллина представляет собой актуальное и своевременное исследование, несмотря на то что данная тема не относится к числу малоизученных. Актуальность монографии подтверждается, в частности, масштабным и критически выверенным историографическим обзором, включающим анализ дореволюционных, советских и постсоветских

трудов, посвященных деятельности К. Насыри.

Особого внимания заслуживает раздел, в котором автор реконструирует эволюцию образа Насыри в советской историографии, выявляя существенный разрыв между исследованиями 1920-х гг. и работами 1940–1980-х гг. Загидуллин убедительно показывает, что идеологические ограничения советского периода предопределили противоречивый характер развития исторической науки, в рамках которой лишь фигура К. Насыри могла быть вписана в жесткие параметры официального дискурса и представлена как «правильный» символ татарского просветительства. Такой анализ позволяет увидеть не только трансформацию исследовательских подходов, но и сложный процесс адаптации научного знания к идеологическим установкам эпохи (с. 19–21).

Схожие механизмы идеологического конструирования прослеживаются и в советской трактовке личности Ибрагим Алтынсарина, хотя динамика его «открытия» наукой была иной. До конца 1940-х гг. Алтынсарин фактически находился в тени и не занимал заметного места в историко-педагогическом нарративе. Однако в конце 1940-х – начале 1950-х годов он был полностью реабилитирован и занял место в пантеоне «правильных» национальных деятелей, соответствующих требованиям официальной идеологии. Именно в этот период Алтынсарин начинает характеризоваться как «выдающийся педагог, поэт, просветитель и мыслитель», как «крупнейший общественный деятель казахского народа, пропагандировавший необходимость перенятия передовой русской культуры». [Косач, 1998: С.110-130] как мы видим, сравнение двух историографических традиций демонстри-

рует общую логику советской науки: включение или исключение просветителей из национально-го канона определялось не столько реальными масштабами их деятельности, сколько степенью их соответствия идеологическим ожиданиям.

Опираясь на богатый комплекс архивных источников, малоизвестные публикации и труды самого К. Насыри, автор предпринимает методологически выверенную попытку реконструкции и интерпретации его исследовательского наследия. Такой подход, сочетающий элементы интеллектуальной истории, микроисторического анализа, позволяет проф. И. Загидуллин по-новому раскрыть внутренний мир просветителя, его представления о собственной социальной миссии и те аспекты биографии, которые ранее оставались на периферии исследовательского внимания. Особое место в монографии занимает анализ трансформации мировоззрения К. Насыри в ходе его педагогической деятельности, прежде всего в период преподавания татарского языка в православных учебных заведениях, включая Казанскую духовную семинарию. Автор убедительно аргументирует, что согласие Насыри принять приглашение на работу в русское духовное учебное заведение нельзя интерпретировать исключительно в категориях конфессионального давления или вынужденного компромисса. Загидуллин демонстрирует, что этот шаг выступал для Насыри формой личного вызова мусульманскому сообществу и одновременно возможностью расширения горизонтов собственной профессиональной и культурной самореализации. По мнению автора, обращение Насыри к новой образовательной среде выявляет существенные черты его личности – стойкость внутреннего убеждения, отсутствие страха перед возможной утратой религиозной идентичности и стремление к самосовершенствованию. Работа в православной школе открывала для него новые ресурсы развития: совершенствование русской грамоты, укрепление собственной педагогической методологии и, что подчёркивает Загидуллин, «чувство полезности для современного общества» и даже «спасительную возможность избавиться от душевного одиночества» (с. 68). В этом ключе, Насыри предстает не только как просветитель, но и как интеллектуал, сознательно использующий межкультурные контакты для формирования собственной идентичности и реализации просветительской программы.

Далее И. Загидуллин тонко анализирует трансформацию взглядов К. Насыри на роль

русского языка, особенно в период его педагогической деятельности в русских учебных заведениях. Автор убедительно показывает, что если на раннем этапе Насыри воспринимал русский язык преимущественно как прагматический инструмент коммуникации с представителями региональной администрации и русским населением, то опыт преподавания и погружение в русскоязычную образовательную среду радикально расширили его представления о функциях языка. Русский язык стал для него не только средством социального взаимодействия, но и каналом доступа к современным научным знаниям, которые он стремился адаптировать и распространять среди единомышленников. Именно с момента осознания этого К. Насыри стал разрабатывать и реализовывать свои просветительские проекты. Ярким проявлением этого явилась идея К. Насыри издания газеты «Таң йолдызы» (совместно с М. Яхиным) на татарском языке для распространения полезной информации и расширения интереса к истории и культуре своего народа, создавая этим самым единое информационное и культурное пространство. Несмотря на ограничения со стороны правительства, Насыри с 1871 по 1897 гг. издавал настольный календарь полужурнального типа, который фактически выполнял роль альтернативного периодического издания и был ориентирован на просвещение татарского общества. Не случайно Н. Катанов, цензор Казанского временного комитета по делам печати, отмечал особую значимость трудов Насыри для развития татарской культуры. [ГА РТ Ф. 420. Оп. 1. Д. 150. Л.5об.] Как мы видим, К. Насыри сумел создать общую площадку для обсуждения вопросов образования своего народа, политических и культурных новостей и этим самым внес свой вклад в оформление групповой идентичности.

Подобные процессы наблюдались и в других регионах империи. Так, деятельность инспектора народных училищ Тургайской области Ибрагим Алтынсарина, работавший в иной части имперского пространства, придерживался аналогичной идеи: для расширения образования среди казахов необходимо средство социальной коммуникации – периодическое издание на родном языке. В январе 1880 г. И. Алтынсарин предложил проект «Киргизской газеты», которая должна была отражать повседневную жизнь казахского общества и служить каналом распространения знаний [Алтынсарин:1979. С.302]. Эти шаги К. Насыри и И. Алтынсарина можно

рассматривать в русле концепции Б. Андерсона о «печатном капитализме», что позволяют по-новому интерпретировать усилия тюрко-мусульманских просветителей второй половины XIX века по созданию национальных периодических изданий.

Значительный исследовательский интерес представляет раздел монографии, посвящённый анализу круга общения К. Насыри. Автор использует подходы, близкие к просопографическому и социально-сетевому анализу, реконструируя многослойное сообщество, с которым был связан просветитель. В центре внимания оказывается его взаимодействие с представителями различных социальных и профессиональных групп – от востоковедов Казанского университета (В.В. Радлова, Н.Ф. Катанова), библиотекаря-ориенталиста И.Ф. Готвальда и казанских купеческих кругов до шакирдов медресе разных городов Российской империи, тюрко-мусульманского интеллектуального сообщества Казани и собственных односельчан. Такая многоплановая реконструкция позволяет увидеть Насыри как фигуру, находившуюся на пересечении академической, религиозной, образовательной и локальной общинной сред. Особую ценность представляет внимание автора к изменчивости образа К. Насыри в восприятии его современников. Посредством приёмов микроисторического и эго-документального анализа автор выявляет разный «социальный облик» просветителя: открытый, жизнерадостный и общительный в воспоминаниях его земляков, и – напротив – закрытый, отстранённый, склонный к пессимизму в оценках со стороны мусульманского духовенства. Через эти контрастные свидетельства автору удаётся реконструировать не только внешние связи Насыри, но и его эмоциональный мир, внутренние противоречия и переживания, что соотносится с современными подходами истории эмоций и культурной антропологии интеллектуалов.

И.К. Загидуллин сумел показать сложную структуру социальных связей просветителя и их влияние на его мировоззрение, педагогическую деятельность и общественную позицию. В контексте рассмотрения взаимодействия К. Насыри с внешним миром представляется обоснованным выдвинуть предположение о том, что Ибрагим Алтынсарин и Каюм Насыри, работавшие в один период и принадлежавшие к единому просветительскому полю тюрко-мусульманских народов Российской империи, едва

ли могли не знать друг о друге. Их профессиональные интересы, а также пересечение социальных и интеллектуальных сетей создавали условия для возможного знакомства – прямого или опосредованного. Среди значимых посредников следует упомянуть Н.И. Ильминского, идеолога просвещения нерусского населения Российской империи, директора Казанской учительской семинарии, с которым Алтынсарин находился в многолетней переписке и встречался в Казани в 1876 г. Ильминский, глубоко вовлечённый в образовательное движение среди татар и казахов, несомненно был хорошо информирован о деятельности К. Насыри, что делает вероятным знакомство Алтынсарина с его трудами. Другим возможным каналом интеллектуального взаимодействия выступает фигура татарского востоковеда Хусейна Фаизханова, преподавателя арабского и персидского языков восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Фаизханов, познакомившийся с Алтынсариним через Ильминского, в 1860 г. находился в Оренбургском крае, где собирал материалы по казахскому языку для своих исследований и активно обсуждал с Алтынсариним идею распространения светского образования среди тюрко-мусульманского населения. Близость их взглядов подтверждается тем, что Фаизханов в письмах называл Алтынсарина «сыном казахского народа», подчеркивая его миссию в просветительском движении. [Усманов, 1963. С.54-56]. Данный подход открывает новые исследовательские перспективы для дальнейшего изучения общих интеллектуальных сетей, внутри которых циркулировали идеи, образовательные проекты и тексты, которые оказывали взаимное влияние и способствовали трансферу знаний внутри мусульманских интеллектуальных сообществ XIX века.

Далее И.К. Загидуллин убедительно раскрывает вклад К. Насыри в развитие учебной и методической литературы, грамматики татарского языка, научной терминологии на родном языке. Этим самым И.К. Загидуллин подчеркивает процесс институционализированного формирования новых «традиций» письменности и научного языка, которые впоследствии стали элементами национального культурного кода.

Особый интерес представляет заключительный раздел монографии, в котором анализируются научные труды К. Насыри через призму имперского производства знаний. Автор убедительно демонстрирует, что Насыри выступал

не только как собиратель и систематизатор этнографического материала, но и как активный участник формирования той интеллектуальной рамки, в пределах которой Российская империя конструировала знания о «местных» народах. В 1880 г. в Петербурге была опубликована статья К. Насыри «Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суннитского магометанства» (с предисловием проф. В. В. Григорьева). Позднее, в 1896 г., на страницах «Известий Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, действительным членом которого он состоял, вышли его материалы «Образцы народной литературы казанских татар: загадки, пословицы, песни» (1896, т. 13, вып. 5). Публикация включала 28 загадок, 243 пословицы и 145 песен, что свидетельствует о масштабной и системной работе Насыри по фиксации и сохранению устного народного творчества татарского народа.

Схожим образом научные интересы Ибрая Алтынсарина вписываются в логику колониального знания. Его доклады и статьи по казахским свадебным и похоронным обычаям, опубликованные в «Записках» Оренбургского отдела ИРГО (1870), выполняли двойную функцию: они предоставляли имперским институтам эт-

нографическую информацию и одновременно выступали средством самоописания казахского общества. Вступление Алтынсарина в Оренбургское отделение Русского географического общества в 1874 г. свидетельствует о признании его роли в производстве знаний и подчёркивает, что представители кочевой элиты становились важными соавторами имперского академического дискурса, а не только его объектами. Работы, К. Насыри и И. Алтынсарина демонстрирует переход от односторонней модели колониальной этнографии к более сложной системе совместного производства знаний, где локальные интеллектуалы участвуют в формировании способов понимания и описания собственной культуры в рамках имперских научных институтов.

Таким образом, монография И.К. Загидулли-на представляет собой значимый вклад в изучение интеллектуальной истории тюркско-мусульманских народов Российской империи. Автор сумел представить целостный и глубокий анализ личности татарского просветителя Каюма Насыри. Исследование представляет безусловный интерес для историков, филологов и культурологов и может служить надёжной основой для дальнейших работ по истории просветительства и имперской культуры.

Литература

1. ГА РТ Ф.420.Оп.1. Д.150. Л.5об.
2. Алтынсарин И. (1975) Собрание сочинений в трех томах. Т.1 : сборник / Ред.: Нусупбеков А., Кенесбаев С., Сулейменов Б. – Алма-Ата : Наука, – 360 с.
4. Косач Г.Г. (1998) Ибрагим Алтынсарин: человек в потоке времени. // Вестник Евразии №1-2. С. 110 -130
3. Усманов М.А. (1963) Неизвестное письмо Ибрая Алтынсарина. // Вестник АН КазССР. №12, С. 53-56.